

С. Н. Цысь

РЕВОЛЮЦИЯ И СВОБОДА В ВОСПРИЯТИИ СИБИРСКИХ ГОРОЖАН И ВОЕННОПЛЕННЫХ: МАРТ – ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА (НА МАТЕРИАЛАХ ОМСКОЙ ВОЕННО-ЦЕНЗУРНОЙ КОМИССИИ)

На материалах отчетов Омской военно-цензурной комиссии прослеживается эволюция воззрений западно-сибирских горожан и военнопленных на революционные события в России в период с марта по октябрь 1917 г. Главное внимание при этом уделено анализу восприятия горожанами обретенных гражданских свобод, их чувствам и переживаниям, связанным с изменениями в городской повседневности в условиях нарастания революционного хаоса.

Ключевые слова: революция, свобода, горожане, военнопленные, Западная Сибирь, повседневность.

Понимание революционной эпохи, в которую Россия вступила в феврале 1917 г., вряд ли возможно без обращения к мыслям и мнениям, чувствам и переживаниям, типичным представлениям и социальным ожиданиям масс простых людей, ставших очевидцами и участниками событий колоссального масштаба. Возможности для анализа распространенных среди широких слоев населения западно-сибирских городов субъективных оценок изменений в их жизненном мире, происходивших в период между февралем и октябрём 1917 г., открывают сохранившиеся делопроизводственные материалы военно-цензурной комиссии Омского военного округа. Ежемесячные отчеты о результатах ее работы, представленные рапортами ее председателя на имя председателя Главной военно-цензурной комиссии при Главном управлении Генерального штаба, помимо основной части – обобщенной характеристики содержания просмотренной почтовой корреспонденции (военными цензорами просматривалось до полумиллиона почтово-телеграфных отправок ежемесячно), содержат также приложения с текстовыми выборками из наиболее типичных писем. Важно при этом отметить, что, согласно «Дополнению к инструкции военным цензорам Омского военного округа» от 16 февраля 1916 г., при просмотре почтово-телеграфной корреспонденции граждан и военнопленных в обязанности цензоров входила фиксация высказываний не только из писем «недозволенного содержания», но также и из писем с «наиболее характерными отзывами, мнениями, взглядами и замечаниями о жизни, быте, психологических переживаниях народных масс, общественных групп и отдельных авторов», поскольку они «полны метких деталей, ярких образов о жизни русской деревни и городской окраины во вторую Отечественную войну» [1, л. 100–101]. Благодаря этому цензурные сводки являются ценнейшим источником, заключающим в себе богатый информационный потенциал и представляющим огромный интерес для исследователя, ставящего задачу изучения массовых умонастроений в период войны и революции. Между тем до

настоящего времени отмеченные документы продолжали оставаться маловостребованными исследователями сибирской истории и не были введены в широкий научный оборот. В рамках данной статьи впервые осуществлена попытка использования информативных возможностей данного источника для анализа восприятия сибирскими горожанами и военнопленными последовавших за февральским государственным переворотом изменений в городской повседневности, что может послужить углублению имеющихся представлений об отношении сибирских горожан к государственному перевороту, революции и обретенным гражданским правам и свободам. Для реализации поставленной цели нами были использованы копии рапортов председателя военно-цензурной комиссии при штабе Омского военного округа за период с марта по октябрь 1917 г., хранящиеся в Государственном архиве Томской области.

Материалы, содержащиеся в отчете Омской военно-цензурной комиссии за март 1917 г., со всей очевидностью свидетельствуют, что дошедшие до Сибири в первых числах месяца известия о государственном перевороте были встречены населением с необыкновенным воодушевлением. Об отречении Николая II сибирские горожане в большинстве своем писали как о неожиданном, но долгожданном для всех событии, положившем начало новой и, по весьма распространенному убеждению, непременно счастливой жизни. Многие письма, преисполненные искренней радости по этому поводу были полны горячих поздравлений и приветствий: «Наконец-то и на Руси засияло яркое солнышко», «Россия дождалась радостных дней», «У нас весна в природе и в народе» [1, л. 28]. Государственный переворот не мог, конечно, не посеять среди части горожан и некоторого беспокойства. Во вскрытой цензорами мартовской корреспонденции встречались и такие письма, в которых высказывались опасения, что революция неизбежно повлечет за собой народные беспорядки, а в одном из них прямо говорилось, что солдаты после переворота стали заниматься грабежами частных

домов и мирных жителей [1, л. 28–29]. Однако от большей части просмотренных цензорами писем веяло социальным оптимизмом и верой в благоденствие будущего мироустройства – с ниспровержением утраченного народное уважение монарха многие связывали свои надежды на установление свободы, равенства, справедливости и гражданско-го единства: «Заря новой жизни, заря свободы и равенства с одинаковым энтузиазмом встречена во всех слоях населения», «Мы, бывшие крестьяне, а теперь граждане великой Российской Республики пуше всех радуемся и объединились в один ком» [1, л. 28]. Атмосфера всеобщего ликования, ощущение гражданской сплоченности, установившиеся в сибирских городах в первые дни после победы Февральской революции, подпитывались вдобавок и быстро распространившимися слухами о том, что события в Петрограде не сопровождались значительным кровопролитием, а революция произошла без сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны царизма. Примером такого рода идеалистического восприятия революции может служить письмо омской горожанки Марии Бирюковой, своими уверениями стремившейся успокоить находившегося в немецком плену военнопленного русской армии Павла Петрова: «Ура, Павло, мы дети Великой Российской Республики. Не беспокойся, все идет как нельзя лучше, тихо, спокойно. Перелом совершился незаметно без всяких кровопролитий и беспорядков. Русского солдата – нашего серого дядю – не узнать. Сколько выдержки, ума. Словом, мы ожили, всюду ликование и вера в светлое будущее» [1, л. 48].

В первое время после переворота рациональное осмысление коренных изменений в жизненном мире было для многих горожан весьма проблематичным. «Первые два дня мы не могли опомниться от того впечатления, какое произвело на нас известие о перемене порядка. На всех лицах было растерянно-счастливое выражение» [1, л. 50], – писал своему приятелю во Францию студент Томского университета А. А. Вольфович. Но, по мере того как стала рассеиваться революционная эйфория, а обыденное сознание горожан постепенно реструктурировало реальность повседневного бытия, к их еще живым впечатлениям от грандиозного события постепенно стали примешиваться все более обнаруживающие себя в письмах чувства беспокойства и неуверенности. «События идут у нас полной рукой. И жутко и весело. Вся Россия кипит в котле...» [1, л. 91] – так сибирский горожанин характеризовал ситуацию в июне 1917 г., когда угроза сползания страны в революционную анархию проявилась уже достаточно отчетливо.

Ранее симптомы надвигающейся смуты стали ощущать размещенные в Сибири военнопленные,

которые в массе своей благосклонно встретили известия о государственном перевороте и в первые дни революции в полной мере разделяли радостный настрой горожан. Тогда многие из них были преисполнены светлыми чувствами, размышляя об освобождении народа от «многовековой деспотии», образ которой формировался в их сознании пропагандой накануне и в годы войны, – «первые три дня марта дали то, что целые столетия не могли совершить» [1, л. 87], – отмечал в своем письме один военнопленный германской армии. Но среди большей части пленных революция была принимаемой хотя бы потому, что она по весьма распространенному мнению «приведет Россию к скорейшему окончанию войны» [1, л. 24], за которым должно было последовать их возвращение на родину. В марте в своих письмах военнопленные солдаты и офицеры с удовлетворением сообщали о царившей в сибирских городах праздничной атмосфере, подчеркивая при этом мирный и бескровный характер смены власти: «Новейшие события протекают в величайшем порядке. Русские офицеры, солдаты и граждане очень радуются» [1, л. 39]. «Здесь все спокойно. Все торжествуют и восхищаются новым демократическим правительством» [1, л. 54]. В то же время уже в весенней корреспонденции военнопленных намного чаще, чем в письмах горожан, проявлялась обеспокоенность неопределенностью политической ситуации как в стране в целом, так и в сибирских городах. С тревогой военнопленные сообщали своим близким: «Революционная атмосфера начинает сгущаться: то там, то здесь вспыхивают возмущения. Видно спокойствие только кажущееся, скоро дело дойдет до взрыва» [1, л. 54], «Положение наше незавидное... Если дела пойдут так дальше, то мы рискуем собственной шкурой» [1, л. 54–54 об.]. К лету впечатления пленных о русской революции имели уже мало общего с восторгами первых дней. Если вначале многие из них, удивляясь, с какой тишиной и спокойствием произошел переворот, предрекали новой республике большое будущее, то теперь они констатировали, что «дела здесь ухудшаются, не все так ладно, как нам казалось. Растерянность и беспорядки. Дисциплины нет» [1, л. 87], что «все страшно неопределенно, даже человеческая жизнь не в безопасности» [1, л. 89]. В июне, оценивая последствия минувшего правительственного кризиса, один военнопленный характеризовал политическую ситуацию уже вполне определенно: «Нового здесь много. Революционное правительство меняется, люди расстроены, беспокойны, масса различных партий, нет прочного фундамента» [1, л. 98].

Вряд ли можно найти серьезные основания для сомнений в справедливости последнего замечания –

разрушительные последствия революционного переустройства летом для многих горожан были уже вполне очевидны. Но помимо их выражения в политической сфере отрезвляющее действие на умонастроения горожан оказывали также нараставшие экономические трудности, причем на их фоне у многих стали проявляться первые признаки разочарования в революции и обретенных свободах. Так, в июне 1917 г. в одном из писем к военнопленному адресант жаловался с досадой: «Хотя порядки и новые и мы сами себе законы выдумываем, но лучше не стало: мука ржаная 2 руб. 40 коп., сахару нет, табаку и вовсе не стало» [1, л. 91]. В другом примечательном письме, но написанном уже осенью, эмоциональный рассказ женщины о проявлениях экономической разрухи выливался в ностальгию по «старому порядку»: «Жизнь здесь стала никуда – плохая. Газетки не радуют. Когда же переживем эту тяжелую жизнь, когда настанут веселые дни, когда же мы будем опять жить по-старому, как раньше мы жили не знали какое есть на свете горе. Теперь же все познакомились с горем и все уныло вздыхаем. <...> У нас только и слуху, что товаров вовсе не будет и деньги наши не будут ходить, хоть брось. Дали свободу, да не знаем с чем ее есть» [1, л. 150].

Наибольшее же беспокойство горожан, судя по многочисленности фиксируемых в цензурных сводках характерных высказываний, вызывал колоссальный рост преступности и беззакония в сибирских городах. Радость по поводу того, что «у нас республика, царя нет, полиции нет, всех их угнали в окопы, будет править сам народ» [1, л. 28], летом у многих сменилась чувством беспомощности и тревоги. «У нас теперь с милицией стало плохо: страшное воровство, почти каждый день все слышно, что того обокрали, что другого, пожары бывают довольно часто» [1, л. 105], – писал летом 1917 г. во Францию житель Петропавловска. «Со вступлением нового правительства, – сообщала горожанка в письме в Швейцарию, – у нас завелись новые беспорядки: толпы хулиганов, т. е. разных арестантов, выпущенных из каторжных тюрем, собираются, грабят жителей, жгут целые города, села, масса убийств. Боже мой, как теперь народ распушен, ни перед чем не останавливается; все время приходится дрожать» [1, л. 107]. «...Теперь начались пожары в разных городах и селах; в деревнях варят самосидку, появилась масса хулиганов, которые приводят в панику население. Арестантов всех выпустили, и теперь то и дело убийства и грабежи; люди боятся выходить вечером на улицу» [1, л. 105], – жаловался томский горожанин. Осенью число подобных сообщений только возросло. «Наши свободные граждане дурят во всю, везде грабежи, погромы. С объявлением свободы выпустили всех каторжан, и теперь я всю

ночь не сплю, так настроены почти все» [1, л. 160], – сообщалось в одном из писем горожан. «А обратиться за помощью не к кому – милиции нет, так только одно название, там только сапоги обобьешь, а толку не добьешься» [1, л. 137], – как продолжение звучало в другом письме. Негативные черты этой новой стороны городского быта продолжали отмечать и военнопленные. Вот лишь некоторые из их характерных отзывов: «Нет закона, нет порядка, самосуды продолжают. Арестуют офицеров и сам народ их судит», «Полиции нет никакой. Укажу на случай, когда член датской миссии с револьвером в руках отбивался от извозчика, требовавшего для граждан половину табака, доставленного для пленных», «Ночью беспокойно, днем еще хуже. Беспорядки, погромы, грабежи. Самосуд толпы ужасен и бессмыслен. Почва уходит из под ног», «Предпочел бы быть где угодно, только не здесь, где каждый день происходят большие революции», «В самой последней сапожной мастерской царит больший порядок, чем теперь здесь» [1, л. 155].

Наблюдение за падением страны в пропасть анархии вместо движения к «новой жизни» после обретения долгожданных свобод порождало у людей стремление найти объяснение тому неблагоприятному ходу событий, которого мало кто после переворота ожидал. В попытках обнаружить причины растущей неустроенности многие обращались, как правило, не к политическому контексту, который их интересовал в меньшей степени, а, говоря обобщенно, к политической и гражданской культуре населения. «Революционное движение сильно всколыхнуло демократическую Россию, ждем отделения церкви от Государства, но с неграмотным и невоспитанным народом трудно ладить» [1, л. 103], – так летом 1917 г. в одном из частных писем определялись основные трудности, стоявшие на пути становления гражданских и республиканских институтов. Проявления «неграмотности» и «невоспитанности» с первых дней стали тревожить горожан.

В особенности обеспокоенность высказывали приверженцы революционного оборончества, выдвигавшего на первый план необходимость отстаивать свободу в борьбе с внешним врагом. С первых дней революции они призывали к укреплению дисциплины и сдержанности в реализации недавно приобретенных прав и гражданских свобод: «Не надо злоупотреблять свободой, нужно поддерживать порядок, слушать своих начальников и довести войну до победного конца, иначе не видеть нам свободы» [1, л. 56]. Беспорядки и волнения оборонцами объяснялись происками «внутреннего врага», «германских шпионов», которые, пользуясь слабостями несознательных и неграмотных граж-

дан, сеют в городах «смуту». Именно такие характерные отзывы о причинах государственного неустройства наиболее часто попадали в цензурные сводки. К примеру, так рассуждал в июне 1917 г. омский горожанин П. Кашицин: «Дождались мы долгожданной свободы, и теперь осталось только закрепить ее. Но вся суть в том, что у нас очень много германофилов, которые среди темных людей всеми силами стараются сделать смуту. <...> Вот это и нужно германцам, которые стараются ослабить и без того разрозненную Россию. Ведь мы сотни лет ждали этой свободы и земли, а теперь не хотим подождать каких-нибудь нескольких месяцев до учредительного собрания, которое нам разделит всю землю законным порядком...» [1, л. 105–106]. В рамках вышеупомянутого объяснения нередко содержались прямые указания на непонимание гражданами российской республики смысла свободы или на неумение ею пользоваться. Так, в письме в Австрию, написанном в сентябре 1917 г., неизвестный горожанин делился своими переживаниями, связанными с государственной разрухой и брожением в массах: «Относительно свободы нашей сообщая, что русские не умеют пользоваться ей. Злоупотребляют, благодаря конечно одному, что бессознательная масса поддается влиянию всяких проходимцев. Хорошо было бы отстоять эту свободу, но не знаю. Распылилось все на партии, нет единения, благодаря отчасти шпионажу, отчасти большевистской партии... трудно направить машинку на новый строй. Временное Правительство окружено старыми чиновниками и они не мало вредят этому делу. Но Бог даст переборемся» [1, л. 150–151]. Другим замечательным примером может послужить письмо военнослужащего Мартыненко своему товарищу во Францию: «Положение наше скверное, давно желанная свобода превратилась в горькую чашу. Свободы нет у нас, она умерла, она была у нас всего два месяца. Свободные граждане, не понимая сущности свободы, утопая в безумии слабого рассудка, задумали прекратить войну, вызванную германцами и тут жестоко ошиблись... так что у нас идет борьба на два фронта: с войсками Вильгельма и с ужасной пропагандой немецких шпионов, нашедших великую поддержку в русских слепых большевиках...» [1, л. 151]. В конце письма его автор с сожалением заключал, что «русские граждане... особого ничего хорошего не понимают кроме карт, водки, самокурки, ругательств непристойных и грабежей. Вот наша свобода – на чертовский лад» [1, л. 151].

К похожим выводам приходили и размещенные в сибирских городах военнопленные. Однако в объяснениях анархии и «смуты» они, отмечая неубедительные оправдания деструктивного поведе-

ния граждан новой республики происками «германских шпионов», беззащитно апеллировали исключительно к политической несознательности и невежеству населения, находившим свое выражение в специфическом понимании, а вернее сказать, в непонимании русскими гражданами смысла приобретенных свобод. «Многие поняли народившуюся свободу как возможность мало работать, много получать, а главное никого не слушать, – писал летом 1917 г. военнопленный из Петропавловска, – это до известной степени понятно. Несправедливая и неумная власть до такой степени грубо выражалась и все прекрасное в человеке уничтожала, что стали ненавидеть саму идею власти» [1, л. 98]. Схожими были объяснения и в других письмах: «Свобода ознаменовалась здесь довольно странно: это было как бы освобождение людей помещанных, хаос невообразимый» [1, л. 97], «Россия завоевала свободу, но русские не понимают ее значения, а потому часто добрые начала кончаются плохо» [1, л. 98]. В осенней корреспонденции военнопленных их отзывы о характере проявления гражданских свобод в России стали еще более резкими: «Газеты ежедневно сообщают об убийствах австрийцев. Положение наше неприятное и опасное, ведь закона теперь не существует: здесь каждый себе судья, царь и Бог» [1, л. 133], «Темная масса понимает свободу в том смысле, что не нужно работать и можно разбойничать» [1, л. 155].

Следует отметить, что некоторые попавшие в цензурные сводки типичные соображения русских граждан о свободе являются убедительным свидетельством того, что приведенные выше размышления оборонцев и военнопленных отнюдь не были беспочвенными. В отчете Омской военно-цензурной комиссии за март 1917 г. фиксировался, к примеру, такой характерный отзыв: «Мы теперь вольные граждане, можем делать что хотим, нам никто не запретит» [1, л. 56]. Схожим образом о своей свободе отзывался студент Томского университета Алексей Сергдеч: «Дело, слава Богу, все очень хорошо. В 7 раз лучше стало, делай что хочешь и никто ничего не говорит» [1, л. 102]. Вряд ли будет ошибочным утверждение, что авторами этих писем свобода ассоциировалась не только и не столько с обретением гражданских прав, сколько с ограничением возможностей социального и институционального контроля над их поведением.

Судя по многочисленным сообщениям горожан и военнопленных, искаженное толкование смысла обретенной свободы получило значительное распространение в солдатской среде. Для солдат местных сибирских гарнизонов революционные перемены оказались сопряжены со значительными послаблениями в несении службы и предоставлением небывалой доселе свободы. «Как солдату живется

мне очень хорошо. До 3.03. жизнь солдата была невыносима. Теперь все перевернулось. И повторяю, что живется мне прелестно как республиканскому солдату» [1, л. 49], «У нас новые права, служить стало легко, в свободное время от занятий мы вольны делать, что хотим и идти куда хотим, никакого разрешения спрашивать не надо, никто не имеет права нас наказывать» [1, л. 56.], «У нас свобода и все пошло по-новому, новые порядки. Офицеры с нами за ручку здороваются», – хвастливо сообщалось в солдатских письмах. Однако в солдатской среде, по сути своей маргинальной, основу которой составляли оторванные от привычных условий жизни и круга общения люди, особое значение играли институциональные формы контроля, опиравшиеся на строгое соблюдение субординации и воинской дисциплины. А поскольку в водовороте революционных событий они практически не работали, это немедленно привело к злоупотреблениям солдат своими новыми правами. Ко всему прочему не желавшие служить и с тревогой ожидавшие отправки на фронт, находившиеся в состоянии неопределенности и испытывавшие постоянный стресс, они были особенно восприимчивы к леворадикальной пропаганде, в том числе анархистской, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вдобавок после амнистии, объявленной Временным правительством, в солдатские ряды вступило много бывших уголовных элементов, нередко осуществлявших свои преступные замыслы, прикрываясь все теми же идеями анархизма. Все это, несомненно, создавало благодатную почву для укоренения упрощенного понимания свободы как вольницы, вседозволенности в поступках и поведении.

Вольности, которые стали позволять себе солдаты в отношениях с начальством после объявления свобод, вызвали недоумение, неприятие и возмущение даже у военнопленных. «Вообще весь порядок перестал здесь существовать. Солдаты делают что хотят. Мы и другие пленные единственные лица, которые отдают честь русским офицерам...» [1, л. 98] – писал из Омска в июне 1917 г. военнопленный Гуго Вернер. У горожан к этому времени также не оставалось поводов умиляться солдатской радостью и высказывать в их адрес комплименты, как это было еще весной. «У нас в настоящее время, – жаловался в письме житель Петропавловска, – дисциплина очень ослаблена и солдаты позволяют себе разные глумления, одним словом делают невозможные поступки. ...Ибо они понимают свободу в другой форме» [1, л. 105]. «В сад теперь ходить не интересно, там бывает очень много солдат, которые безобразничают и даже бывают драки и резня» [1, л. 105], – говорилось в другом письме из Петропавловска. Ужас от

творимых солдатами бесчинств не оставил и следа от недавних идеалистических представлений горожан о гражданском единении. «В первое время после переворота все было ничего, действовали дружно, но сразу же страшно распустили солдат, с офицерами стали обращаться невозможно... и вообще больше похожи на разбойников, а не на солдат; их все боятся и в городе, и в деревне» [1, л. 105], – с сожалением отмечалось в одном из городских писем. Другим выразительным свидетельством того, что солдаты в своих действиях переступали все мыслимые пределы дозволенного, может являться обнаруженное цензорами в осенней корреспонденции письмо сестры милосердия, в котором она сообщала о своем решении бросить службу вследствие «невероятного безобразия кругом» и в связи с «потерей солдатами человеческого образа» [1, л. 137]. Показательным является также письмо в Америку, содержащее советы русским эмигрантам в случае призыва на военную службу «проситься на Родину в Россию», поскольку «у нас служить солдатам очень хорошо, куда лучше, чем офицерским чинам. Дисциплины нет никакой, все свободны и делают то, кому что нравится» [1, л. 161]. Подтверждением справедливости этих слов может служить множество солдатских писем, в которых они хвалились своим товарищам, воевавшим во Франции, «хорошей солдатской жизнью», писали о полном безделье, массовых отлучках домой и полной безнаказанности. «Теперь свобода солдату, куда хочешь иди, только несем караул, а то все лежим. Я убежал домой, жил десять дней и ничего, нет наказания» [1, л. 160], – содержалось, к примеру, в одном из таких писем из октябрьской корреспонденции солдат.

Вполне естественно, что ухудшение социально-политической ситуации в стране порождало у людей разочарование и недобрые предчувствия относительно того, куда может привести страну дальнейшее развитие революционного кризиса. С нескрываемым сожалением писали о нем и военнопленные чешские патриоты. Карель Мах в письме к родным делился своими опасениями: «Со свободой стало совсем плохо в России. Солдаты не слушаются, убегают с воинских поездов, не хотят сражаться. Одним словом, свобода в России выражается в том, что каждый может делать все, что он хочет. Что-то будет. Верно ничего хорошего...» [1, л. 99]. Другие летом еще сохраняли надежду на изменение ситуации к лучшему, – «Все нестроения и неурядицы в России могли бы быть нашим несчастьем, нашим гробом. Но я верю в благоразумие русского народа в переживаемый великий исторический момент...» [1, л. 99] – сообщал домой военнопленный чех Карель Заградницкий. Но осенью оптимистичные отзывы пленных совершенно

исчезли из цензурных отчетов, а их место заняли предсказания скорой гибели Российского государства, с которой большинство стало связывать свои надежды на возвращение домой. «Русское здание рушится – близится сепаратный мир» [1, л. 131], «Что касается России, то она уже выходит из строя воюющих. Это государство совершенно разрушается; скажу коротко – здесь такое положение, которое требует скорейшего конца, но мы увидим здесь еще много неожиданностей» [1, л. 155], – с уверенностью писали размещенные в сибирских городах военнопленные осенью 1917 г. В их рассуждениях о причинах политического хаоса, гражданских беспорядков и социально-экономической разрухи постепенно возрастала ожесточенность и недоброжелательность по отношению к российским гражданам, которых они упрекали уже не только в непонимании свобод, но и в целом в культурно-политической незрелости и несознательности, беспринципности и бесчестности. «Где же русским воевать, у них нет военного духа, – говорилось в одном из писем военнопленных, – целыми толпами наполняют они улицы города. Чести, благородства нет в этом народе. Да и культурная степень. Смело говорю – Россия на дороге к гибели» [1, л. 132]. Высказывания «германофилов» и «австрофилов» из числа плененных солдат и офицеров немецкой и австрийской армий, недоброжелательно настроенных по отношению к русским, и вовсе граничили с презрением: «Образ правления изменился, но люди остались те же, республика не делает дурных людей автоматически хорошими, вообще у этих людей нет сознания долга» [1, л. 132], «Россия еще не созрела для свобод и все еще, как и при Романовых, нуждается в кнуте, глупость в России прогрессирует» [1, л. 155], «Русские в своей политической зрелости не доросли еще до обезьян» [1, л. 132]. Но и в корреспонденции тех военнопленных, отношение которых к российским гражданам не было столь пренебрежительным и уничтожительным, обнаруживаются те же мысли: «Слишком легко досталась русскому народу свобода. Он ее не уразумел. Жажда власти охватила всех, забыты государственные идеалы, каждый думает только о себе, и, таким образом, рушатся устои нового строя, государство идет к гибели» [1, л. 155].

Осенью о своих предчувствиях скорой гибели России стали писать и горожане, настроение которых цензорами оценивалось как вялое и подавленное. Разочарование и растущий пессимизм накладывали свой отпечаток на большую часть отправляемой почтовой корреспонденции. «России приходит конец и в политическом и в экономическом отношениях» [1, л. 159], – предсказывалось в одном из таких писем. В рассуждениях горожан о свободах все чаще проявлялась ностальгия по

твердой власти и порядку, утраченным после «освобождения». «Наверное пропадет Россия. Она эта свобода хороша, но надо было чтобы царь был и начальство было и чтобы свобода была, и начальства слушались...» [1, л. 149–150] – размышляла в своем письме сибирская горожанка. «Всюду слышатся социалистические речи, все делят, все рвут, но при старых порядках было плохо некоторым, а теперь всем нелегко» [1, л. 160], – с горестью отмечалось в другом письме. Многие сообщения горожан несли в себе отпечаток глубоко личного переживания разворачивающейся драмы: «Нет подчинения никакому начальству. Теряется вера в товарищей, насилия, убийства, самосуды, пожары стали заурядными явлениями» [1, л. 91], «У всех наблюдается безразличие и апатия ко всему. Живу по инерции» [1, л. 160], «Трудно сказать, чем окончится наша трагедия. Думается, что комитетам и советам не спасти Россию» [1, л. 160]. В целом же, судя по материалам осенних цензурных отчетов, накануне новых революционных потрясений сибирские горожане окончательно разуверились в том, что восстановление порядка будет возможно в ближайшем обозримом будущем, и психологически готовились к дальнейшему ухудшению социально-политической ситуации в стране.

Таким образом, февральский государственный переворот, с воодушевлением встреченный основной массой западносибирских горожан, связывался ими с наступлением новой эры свободы, равенства, социальной справедливости и гражданского единства. Однако, по мере того как эйфория первых дней революции начала постепенно спадать, социальный оптимизм горожан стал постепенно вытесняться все возрастающим беспокойством. Помимо политической нестабильности не последнюю роль в этом процессе играли и экономические факторы. Движение к «новой жизни», не сопряженное с изменением тенденции к снижению уровня материального благополучия и решением насущных бытовых проблем, в значительной степени обесценивали в глазах части граждан обретенные свободы и другие важные завоевания революции. Но наиболее разрушительное воздействие на комплекс порожденных внезапными политическими переменами благостных социальных ожиданий, судя по материалам цензурных отчетов, оказывал колоссальный рост преступности, разгул беззакония и вседозволенности, принявших характер настоящего бедствия. Пытаясь найти объяснение длительному революционному неустройству, многие горожане, в особенности те из них, которые придерживались оборонческих взглядов, обвиняли в «распространении смуты» немецких шпионов, «германофилов» и их пособников, пользующихся политической несознательностью неграмотных

граждан, которые, попав под их влияние, своим деструктивным поведением и злоупотреблениями неверно понятой свободой, создавали прямую угрозу ее существованию. Схожих взглядов придерживались и военнопленные, объяснявшие анархию и беззакония именно искаженным толкованием свободы и непониманием российским населением сути гражданственности. Основания для такого рода соображений, безусловно, имелись. Согласно приводимым в цензурных сводках многочисленным свидетельствам горожан и военнопленных, вульгарное толкование свободы как вседозволенности, дающей право действовать по своему желанию, не считаясь ни с какими формами социального и институционального контроля, общественной моралью и нормами поведения, в действительности

было весьма распространенным явлением, в том числе и в солдатской среде. Наряду с ослаблением воинской дисциплины это серьезно осложняло и без того напряженную социально-политическую обстановку в сибирских городах. Осознание того, что страна постепенно погружается в революционный хаос, порождало среди части горожан социальную апатию, чувства незащитности и беспомощности, тоску и ностальгию по твердой власти и относительной стабильности, утраченным в водовороте революционных событий. К осени 1917 г. многие из них, глубоко переживая разворачивающуюся перед ними драму, уже окончательно утратили надежду на восстановление порядка и в переписке делились между собой горькими предчувствиями ожидаемого государственного коллапса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1627.

Цысь С. Н., соискатель.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.

E-mail: sergenius@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 02.07.2010.

S. N. Tsys

REVOLUTION AND FREEDOM IN PERCEPTION OF THE SIBERIAN CITIZENS AND PRISONERS OF WAR: MARCH – OCTOBER OF 1917 (ON MATERIALS OF THE OMSK MILITARY-CLEARANCE COMMISSION)

On materials of the reports seen by military censors of the Omsk military-clearance commission, the evolution of views of the West Siberian townspeople and prisoners of war on revolutionary events in Russia during the period from March till October 1917 is traced. Thereat, the main attention is given to the analysis of perception by townspeople of the found civil freedom, to their feelings and the experiences connected with changes in city daily occurrence during a revolutionary epoch.

Key words: *revolution, freedom, townspeople, prisoners of war, West Siberia, daily occurrence.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Tomsk region, Russia, 634061.

E-mail: sergenius@sibmail.com